

**ТАЛИСМАН
ПРОШЛОГО**

КСЕНИЯ ХОЛОДОВА

ТАИНА ДВУХ
ИМПЕРАТОРОВ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Иллюстрация на обложке *Тани Дюрер*

Иллюстрации в книге *Татьяны Дадочкиной*

Холодова, Ксения.

Х73 Тайна двух императоров : роман / Ксения Холодова. — Москва : Эксмо, 2024. — 432 с.

ISBN 978-5-04-197162-5

Клэр получила в наследство от бабушки не только необычное французское имя, но и старинное кольцо, навсегда изменившее её жизнь. Девушка перемещается в начало XIX века, во времена, когда Россия и Франция находятся на пороге войны. Клэр оказывается втянута в схватку двух великих монархов.

Чтобы вернуться в свой мир, девушка должна стать тайным агентом императора Александра I и передать мистическое кольцо его законному владельцу — Наполеону. От её действий зависит будущее мирового порядка и победа Российской империи. Однако сможет ли Клэр исполнить свой долг, рискуя навсегда потерять едва обретенную любовь?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197162-5

© Холодова К., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Там были заложены основы мира.
Оттуда все отправились в Тильзит...*

Шарль Морис де Талейран

ПРОЛОГ

25 июня 1807 года. От двух противоположных берегов отплыли лодки. Вёсла всплёскивали зеленоватую воду, мутили. На холмах, в тени леса, расположились солдаты и с любопытством всматривались вниз. Вычищенные до блеска сапоги, отремонтированные мундиры, пёстрые, развевающиеся от лёгкого ветерка штандарты. Всё было готово. Слишком долго мир ждал этого дня. На водной глади пару дней назад установили плот с шатром. Наполеон Бонапарт прибыл минутами раньше и решительно подал закалённую в сражениях руку Александру Павловичу. Генералы поднесли бумаги, но их важность перебили радостные возгласы и треск ружей о землю. Офицеры, словно замороженные, не сводили глаз с императоров. Солдаты громко переговаривались, не в силах сдержать чувств. Многие плакали.

Плотные светлые ткани шатра скрывали от посторонних зевак фигуры монархов. Никто не слышал их долгого разговора, но одно все знали точно. Сейчас на этом пароме решалась судьба всей Европы.

— В древности в этот день мои предки праздновали летнее солнцестояние. По обычаям проводили самые различные обряды, связанные с водой, травами и огнём. Вот и мы с вами, любезный друг, скрепляем наш союз сегодня, здесь, в центре водной стихии.

— Традиции вашего народа по-прежнему продолжают поражать мой разум. Можем ли мы по такому поводу считать этот союз священным? — с надеждой спросил император Франции.

Александр лукаво улыбнулся одним уголком рта и с гордым видом подвинул через весь стол позолоченную шкатулку. Догадываясь о её содержимом, Наполеон постарался сдержать вспышку радости и лишь в приятном удивлении сморщил блестящий от пота лоб.

— Здесь то, чем вы желали обладать долгие годы, мой друг. Так пусть это обретение положит начало великой дружбе и долгому миру!

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Петербург 2015

Чёрная лента в волосах. Угрюмые лица. Всюду атмосфера траура. От холодного света единственной люстры на полках поблёскивали кубки за победы в соревнованиях по фехтованию. Внешний мир виделся огромным размытым пятном из-за скопившихся слёз. Клэр отсекала их одну за другой, но, подобно головам гидры, на месте высохшей слезы появлялись две новые. В небольшой светлой комнате была лишь сама Клэр и её воспоминания о покойной бабушке. Тонкие пальцы впивались в портрет в попытке ощутить тепло от снимка, как если бы это был живой человек, а не его сохранившийся образ.

Сквозь поток болезненных мыслей и рассуждений девушки о жизни и смерти временами прорывались голоса членов семьи, громко обсуждавших покойную за стеной. Скорбь утаскивала на дно, сдавливая горло. Оглушающий немой крик. Новые слёзы. Клэр открыла стоящую на тумбочке бронзовую шкатулку с неброским цветочным узором и спрятала в неё фотографию бабушки Элжирь.

Ещё две недели назад они встретились после занятий Клэр на ипподроме и вместе прошлись по центральным паркам Петербурга. Они были лучшими подругами, и в разговорах их ду-

шевные тревоги исчезали как по волшебству. Элжира никогда не бралась воспитывать внучку, их отношения строились на доверии и поддержке. Возможно, именно поэтому Клэр казалось, что бабушка послана самой вселенной, ведь только с ней она могла быть собой.

Манжеты чёрных рукавов сделались влажными — слишком часто ими промокали солёные слёзы. Клэр прикрыла оголённые плечи чёрной вязаной кофтой и, взглянув на часы, неохотно направилась к выходу. Пора...

Необъяснимо для себя самой девушка застыла на пороге. Не было решимости сделать шаг, ведь он был началом разлуки. Горькой, неизбежной, вечной.

Клэр сжала губы, тяжело слотнула и вышла из комнаты. Спускаясь по лестнице, она вспоминала последний разговор с бабушкой, её серые глаза и нежные, изрезанные глубокими морщинами руки, которыми она крепко обнимала любимую внучку.

Так мало времени прошло. Клэр никак не могла принять тот факт, что её дорогого, родного человека больше нет. Столько было ещё не сделано, столько не сказано.

Картины прошлого возникали одна за другой, дразнили, мучили. Нежнейший, тёплый июньский ветерок. Они вдвоём беззаботно сидят в зелёной беседке, расположенной в саду Элжиры, пьют чай с домашним печеньем. Бабушка шутит о мужчинах и военной форме, поправляя свои серебряные от времени волосы...

За ярким, почти живым воспоминанием Клэр даже не заметила, как преодолела все ступеньки и упёрлась в зеркало на входной двери. Собственное отражение показалось ей серым, омерзительным. Клэр тут же отвела взгляд. За спиной послышался шорох. Родители, не обращая внимания на дочь, сновали по одной из комнат в поисках документов, хлопая дверцами шкафчиков. Их движения были грубыми, суетливыми. Смотреть на это просто не было сил.

Клэр выскочила за дверь. Влажный ветер обдал лицо, капли дождя ринулись навстречу и осыпали рыжие волосы.

Глубокий вдох.

«Прекрасная погода...» — недовольно пробубнила девушка и, нахмурившись, нырнула в грязноватую машину отца. В другой раз Клэр простояла бы под дождём куда дольше, но сейчас ей было не до романтики. Она облокотилась на дверцу, размазывая пальцами капли воды на запотевшем от дыхания стекле. С появлением родителей пустота по-прежнему не исчезла, лишь сильнее обняла своими ледяными руками. Тогда Клэр поняла, что чувство одиночества вызвано чем-то другим.

Они подъехали к Никольскому кладбищу Александровской лавры. На улице собралась чёрная горстка людей, издали напоминающих беспокойных птиц, которым едва ли под силу усидеть на месте дольше нескольких секунд. На лицах присутствующих читалась полагающаяся скорбь, однако Клэр была почти уверена, что большинство этих страдальцев не знали Элжирю настолько, чтобы назваться хотя бы её приятелем. В этот день всё небо Петербурга сделалось тяжёлым, грозным, серым и, казалось, таким оно останется навсегда.

Слова соболезнования. Сочувствие. Глаза, полные чрезмерного для малознакомого человека страдания.

Вновь слова.

Проходя мимо собравшихся на кладбище, Клэр невольно ощутила себя героиней плохо поставленной драмы. Она отворачивалась всякий раз, когда неизвестные ей люди пытались ухватить её за руку и осыпать фальшивыми словами поддержки.

Вместе с родителями Клэр пошла в небольшую пристройку к церкви, расположенной на территории кладбища. Навстречу вышел молодой худощавый священнослужитель и, выразив свои соболезнования, проводил их в храм, где уже стоял гроб с покойной.

Клэр медленно плелась за мамой, боясь посмотреть на белое, неподвижное лицо человека, которого любила. Когда она оказалась рядом, чувство долга невидимой глазу рукой потянуло за подбородок и против воли вынудило поднять глаза. Омерзительное ощущение стянутого в узел живота заползло в грудь и резко

растянулось до горла. Вся боль, что пряталась в глубине души, вырвалась наружу, взяв тело под контроль.

Сожаление. Жалость к самой себе.

Клэр стиснула зубы, не в силах больше кусать онемевшую щёку. Закрыв глаза, она припала губами к желтоватому лбу бабушки и резко отпрянула.

Клэр не была на погребении. Ей так и не удалось побороть себя — не хотелось видеть, как гроб с бабушкой постепенно слой за слоем покрывает земля. Пока все прощались с усопшей, она сидела в беседке на улице, подальше от места, где всё было мертво: и бабушка, и память, и прошлое. Она сосредоточенно вглядывалась в гонимые ветром рваные пятна и совершенно ни о чём не думала.

Уединение не продлилось долго. Мама намеренно тяжело ступала по вымощенной аллее, но всё равно, оказавшись рядом с дочерью, сумела её напугать. Резко поднятое плечо и пустой взгляд — всё, чем могла возразить сейчас Клэр. Мамина рука в чёрной кружевной перчатке осторожно опустилась на рыжую головку дочери.

— Идём, милая. Сейчас огласят завещание, и мы поедем домой, — сказала она, сдерживая слёзы.

Пока нотариус зачитывал последнюю волю покойной, Клэр сидела, опустив глаза, и не вникала в суть происходящего, прекрасно понимая, что обо всём позаботятся её родители. Клэр не ждала своей очереди, но надеялась, что бабушка что-то передаст ей в наследство. В последние минуты процесса речь зашла о мелких безделушках покойной.

— Этот предмет Элжира де Дупак завещала своей внучке Клэр, — чётко проговорил нотариус, всматриваясь в лица сидящих перед ним людей в поисках девушки.

Услышав своё имя, Клэр неожиданно почувствовала, как сильно затряслись ноги. Она медленно поднялась со своего места и неуверенным шагом подошла к нотариусу. Холодные обмякшие руки сами собой потянулись за маленькой деревянной коробкой. На этом оглашение завещания закончилось. Поднялся гул из перешёптываний, и все стали расходиться.

Клэр положила пышную жёлтую розу на свежую могилу, прошептала про себя прощальные слова. Девушка огорчилась, что эти слова получились неискренними, и невольно сравнила себя с теми незнакомцами, на которых с осуждением смотрела вначале.

Возвращение было предсказуемо безмолвным. Отец похоронил свою маму, Клэр — бабушку, и не было смысла терзать душу разговорами. Путь домой показался Клэр непривычно коротким, и вскоре её взору предстал двухэтажный дом, покрытый зелёным плющом.

Клэр не знала, как правильно вести себя в таких ситуациях. Прежде смерть она видела только в кино и никогда не сталкивалась с ней так близко, как сегодня. Что нужно делать или чего делать нельзя? Сделать вид, что ничего не произошло, запереться в комнате? Так будет проще всего... Проигнорировав поминальный обед, Клэр ушла к себе и вновь оказалась наедине с воспоминаниями в своей маленькой комнатке.

Завещанная деревянная коробочка стала тёплой от прикосновений. Клэр вращала её, изучала, оттягивала момент, когда секрет растает, как капли дождя на стекле автомобиля. Прошло время, прежде чем она осмелилась сродниться с этой тайной, раздражающей любопытство.

Клэр вскинула бровь и брезгливо нахмурилась, когда крышка уже была приоткрыта. Тонкое, искорёженное доньшко и крохотный предмет в бархатном мешочке разделяла пожелтевшая записка. Пальцы спорили друг с другом, путаясь в попытке развязать узел на мешке. Нежные подушечки нащупали нечто шершавое и холодное.

— Что?! — вслух произнесла Клэр, обнаружив потёртый перстень, напоминающий старинный.

Она была готова увидеть всё что угодно, к примеру, какую-нибудь вещь, с которой бабушка почти не расставалась. Вопреки ожиданиям она обнаружила сомнительное кольцо, которое Элжира ни разу при ней не надевала. Клэр внимательно разглядывала серебряные витиеватые узоры, в центре которых располагался тусклый зелёный камень. Он не выглядел драгоценным,

скорее напоминал кусочек какой-то горной породы. Девушка изумлённо вертела украшение в руках и никак не могла понять, что Элжира хотела этим сказать. Клэр надеялась, что бабушка оставит что-то, что будет напоминать о себе. Но это украшение она никогда прежде не видела, а его состояние говорило о том, что бабушка долгие годы даже не доставала его из коробки. Клэр обратилась за объяснением к записке, бережно развернула её и принялась читать.

«Моя любимая Клэр, если ты получила эту коробку, значит, меня уже нет в живых. Но прошу тебя, мой лучик, не терзай душу горем и воспоминаниями обо мне. Я счастлива, так как моя просьба исполнена и ты держишь в руках это кольцо. Для меня нет и никогда не было человека более доброго и чистого, чем ты. Это кольцо изменило всю мою жизнь. С ним связано столько воспоминаний, что обо всех я точно никогда тебе не успела бы рассказать. Я многое узнала о себе, о любви и дружбе. Главное — помни, что...»

Сосредоточенное чтение Клэр неожиданно прервало телефонное жужжание. На белом экране возник портрет её подруги Кати. Бегущая строка с пометкой «*Катти:3*» никак не исчезала. Клэр неохотно ответила на звонок. Мягкий голос тут же окутал ее.

— Привет... как ты?

— Стараюсь не захлебнуться в слезах, — отрезала она, шмыгая носом в телефон.

— Так и знала, что нужно тебя набрать. Никогда не забуду, как ты вытаскивала меня из похожей задницы. Как это ни печально, настал мой черёд...

— И что ты предлагаешь?

— Встретимся? Прямо сейчас! Я уже в центре, нужно решить кое-какие вопросы по уника. Соберёмся у Зингера, а там разберёмся, хорошо?

Клэр молча кивнула и лишь после громкого «АЛЛО!» Кати, ответила вслух.

Где-то в глубине души Клэр понимала, что, сидя в одиночестве, из подавленного состояния не выйти. Она попыталась вернуть-

ся к чтению письма. Холодные руки дрожали. Взгляд неуверенно плавал от слова к слову, и Клэр всё меньше понимала смысл написанного.

— Нет! Это выше моих сил, — утешила она сама себя, произнеся это неожиданно громко.

Клэр надела кольцо на указательный палец правой руки, а письмо спрятала в выдвижном шкафчике рядом с кроватью. Последние слова бабушки требовали неспешного осмысления. Клэр хотелось всецело погрузиться в их смысл, но позже. Пообещав самой себе, что прочтёт письмо по возвращении, Клэр вышла из комнаты.

На выходе её встретила мама и, удивившись поспешному побегу дочери, преградила дорогу.

— Милая, ты куда? — руки скрестились на животе.

— Меня встретит Катя у дома Зингера. Я не хочу оставаться здесь... наедине с тоской. — Последние слова Клэр пробубнила себе под нос.

Раньше в каких-то вопросах Клэр искала поддержку в основном у бабушки, намного реже у мамы. Поэтому теперь ей казалось, что она ни с кем больше не сможет поделиться переживаниями — разве что за исключением подруги, которая пару лет назад тоже потеряла близкого человека.

— На обед не останешься?

— Нет сил...

— Или желания? — мама поджала губы и кивнула с пониманием.

— Ой, пожалуйста, не начинай! — Клэр фыркнула и устало закатила глаза. Торопливо схватив висящую на вешалке куртку, стала на ходу одеваться.

— Прошу, будь осторожна и постарайся вернуться домой не слишком поздно. Мы с папой переживаем, ты же знаешь.

— Ок! — коротко ответила Клэр и, разглядев за окном подъехавшее такси, ужом проскользнула в дверной проём.